

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Иллюстрация на переплете *Юрия Щербакова*

Оформление серии *Анастасии Зининой*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Крамер, Марина.

К77 Лотос, рожденный в грязи: (Убежать из секты #3) / Марина Крамер. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-207931-3

Частный детектив Тина Володина и ее муж Владимир получают новое дело — найти Мирославу Ифантьеву. Дело осложняется тем, что девушку отвезла в дальний монастырь собственная бабушка и не сообщила об этом даже ее отцу. Тина подозревает, что монастырь не совсем обычный и Мирославу предстоит вытаскивать из религиозной секты. Тех, кому удалось убежать из монастыря, преследуют некие «апостолы», способные даже на убийство....

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-207931-3

© Крамер М., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Японское выражение «цветок лотоса в грязи»
используется для обозначения девушки, которая,
несмотря на морально нездоровое окружение,
сохраняет целомудрие и воспитывает в себе
сильный характер...

От автора

Все совпадения случайны,
имена и места действия вымышлены...

*С*нег становился все глубже, казалось, ноги уже невозможно вытащить, с каждым шагом делать это было труднее и труднее. Подол длинной тяжелой юбки давно вымок насквозь и теперь только мешал, осложняя и без того непростой путь.

«Господи, только бы не заблудиться, только бы не свернуть... Дорога выходит к реке, я точно это помню... Там есть деревня, я постучусь в любой дом, ну, не прогонят же меня... Только бы дойти...»

Нога снова провалилась глубоко, валенок соскочил, пришлось выдернуть из него ногу и руками выкапывать его из снега. Наст был острым как бритва, стоило неловко провести рукой, как он оставлял на коже царапину — не глубокую, но все равно кровоточившую.

Вытряхнув из валенка снег, она снова сделала шаг вперед, еще один, и вдруг...

«О боже, неужели...? Неужели это правда?»

Внутри все словно сковало от ужаса — выходит, это были не страшные сказки, это на самом деле так и есть...

Впереди, буквально в нескольких метрах, она увидела светящиеся зеленые пятна. Они приближались.

МАРИНА КРАМЕР

«Ну вот и все... Теперь от меня даже костей не останется, как и предупреждали сестры...»

Страх совершенно парализовал ее, девушка закрыла глаза и попыталась не шевелиться, однако стоять было неудобно, голова кружилась — сказывался пятидневный рацион из воды и черствого хлеба.

«Сейчас бы сухарь в рот положить, стало бы легче, — вяло думала она, понимая, что даже сунуть руку в карман и вынуть оттуда этот самый сухарь не сможет. — Никто так и не узнает, где я умерла... Сестры были правы, почему я не послушалась? Это мое наказание, моя кара...».

Зверь был уже где-то совсем близко, ей казалось, что она ощущает запах влажной от снега шерсти, тяжелое дыхание. Еще мгновение — и его клыки вопьются в ее тело, начнут рвать его в клочья совсем так, как это было в прошлом году с Анной, которая посмела послушаться духовника даже после отбывания послушания в ските. Но то были цепные собаки, которых к тому же было кому оттащить от жертвы в тот момент, когда духовник решил прекратить наказание. А здесь она один на один с волком, и никто уже не сможет помочь ей. Никто.

От этой мысли в голове вдруг стало темно, а тело сделалось невесомым, она перестала его ощущать.

«Наверное, так и выглядит смерть. Но мне хотя бы не было больно. И я никому не позволила сделать со мной то, чего я не хотела».

Часть первая

Новый офис располагался на двенадцатом этаже. Большие панорамные окна, под ногами — Садовое кольцо, вечно запруженное машинами. Тина любила подойти к окну и долго смотреть вниз, как будто могла найти там ответы на вопросы, мучившие ее в данную секунду. Как сегодня...

Утро не предвещало каких-то неприятностей. Володина всегда считала, что день, начавшийся с чашки хорошего кофе и легкого завтрака, не может быть неудачным. А если к тому же кофе и завтрак готовил муж, да еще и приносил в постель, так вообще.

Сегодня день так и начался, и Тина, едва открыв глаза и учуяв где-то совсем рядом запах кофе, села в кровати и потянулась, разгоняя сон. Вовчик лежал в ногах, постукивая пальцем по переносному деревянному столику, на котором был сервирован завтрак — совсем как в каком-нибудь дорогом отеле.

— Доброе утро, — улыбнулась Тина, дотягиваясь до тумбочки и беря оттуда резинку для волос.

МАРИНА КРАМЕР

— Доброе, — улыбнулся в ответ муж. — Что-то ты заспалась сегодня, время-то уже к восьми.

— Да? — удивилась она. — А чего темно?

— Так я шторы не открываю, жду, когда сама проснешься, не трогаю, — усмехнулся Вовчик. — Ты ж у меня с утра дружелюбна, как очковая кобра.

Тина бросила в него резинку, и Вовчик, на лету поймав ее, вернул жене:

— Ладно, я пошутил. Завтракай, пора в офис.

— Что-то так лень работать... — протянула Тина, придвигая к себе столик.

— Ну, мы не так завалены работой, если помнишь, а деньги сами по себе на счету не появляются.

— Я иногда думаю, что это даже хорошо, когда у нас нет работы, — отозвалась она, намазывая мягкую булочку паштетом. — Это ведь значит, что...

— Да ничего это не значит, — перебил муж, переворачиваясь на спину и глядя в потолок. — Секты были, есть и будут, люди туда попадали, попадают и, что самое отвратительное, будут падать. А значит, дела у нас с тобой непременно будут тоже.

Работа в их частном детективном агентстве по розыску попавших в секты людей действительно почти всегда была. Тина открыла его после тяжелого ранения, отлежав в реанимации, а затем долго восстанавливаясь. Она любила свою работу, была хорошим оперативником, но мама...

Первое, что Тина увидела, впервые придя в сознание, было мамино лицо — постаревшее, с уставшими, словно провалившимися глазами.

«Я не переживу, если с тобой, как с отцом, что-то случится», — тут же всплыл в памяти разговор накануне последнего вступительного экзамена в Университет МВД. Отец погиб во время задержания опасного преступника, и Тина твердо решила идти по его стопам, служить в полиции.

Теперь же слова матери прозвучали в голове особенно страшно, как будто до Тины дошло, что мама останется совсем одна. Уходить с любимой работы было невыносимо, ничего другого она не умела и не хотела уметь, и вот тогда пришло решение получить лицензию частного детектива.

Самым первым делом стало как раз исчезновение молодой женщины, уехавшей куда-то в Сибирь и ставшей последовательницей учения одного из новоявленных религиозных гуру. Тина сумела отследить ее путь и проникнуть внутрь секты. Это потребовало много сил, больше даже моральных, чем физических, но Володиной удалось вывести девушку и передать координаты места, где базировались сектанты, сотрудникам правоохранительных органов.

И Тина вдруг поняла, что это как раз то, чем она хочет и может заниматься, — работа с жертвами культов. Поддержал ее в этом и оперативник Володя Кущин, Вовчик или Добрыня, как его звали друзья.

С этого все и началось...

Пророчества Добрыни сбылись через два с небольшим часа — именно столько времени понадобилось Тине, чтобы добраться до офиса, включить компьютер и сварить кофе.

МАРИНА КРАМЕР

Едва она устроилась с чашкой за столом, чтобы просмотреть почту, как в дверь постучали.

— Входите! — пригласила она, и на пороге появился невысокий худой мужчина с коротким седым ежиком волос и какими-то ввалившимися, словно от многодневного недосыпа, глазами.

Одет он был в потертую кожаную куртку, серый спортивный костюм и старенькие кроссовки, руки прятал в карманах растянутых брюк.

— Это вы Валентина Володина? — спросил он хрипловатым низким голосом.

— Да, это я. Проходите, пожалуйста, присаживайтесь. — Тина указала на стул, и мужчина, чуть помедлив, закрыл за собой дверь и направился к столу.

Усевшись, он сложил на столешнице руки, сжав их в замок, и Тина отметила, что фаланги указательного, среднего и большого пальцев на правой руке у мужчины желтые — так бывает у многолетних курильщиков, предпочитающих табак крепче и папиросы, а не сигареты с фильтром.

— Вы же занимаетесь поиском людей? — уточнил посетитель, глядя не на Тину, а на свои руки.

— Да, занимаемся.

— А мужиков, простите, у вас в фирме нет, что ли?

— А вам принципиально, чтобы поиском занимался мужчина?

— Понимаете... — он чуть смешался. — Дело в том, что... как бы это...

— Давайте для начала просто познакомимся, — предложила Тина, которую, кстати, совершенно не задела такая попытка дискриминации. Она отлично знала, что не производит на клиентов-мужчин впечатления профессионального розыска, да и вообще детектива. — Меня зовут, как вы знаете, Валентина, отчества не нужно.

— А я Сергей... Сергей Ифантьев.

— Очень приятно. Итак, Сергей, что вас все-таки привело в агентство?

— Понимаете... дочь у меня пропала.

— Давно?

— Давно, — вздохнул Ифантьев, по-прежнему глядя на свои руки. — Пять лет назад.

Тина не удивилась названному сроку — в ее практике бывали и не такие, но тут речь шла о ребенке, потому что Ифантьев был слишком молод для отца взрослой женщины, хотя и выглядел пожившим.

— И за такой срок ничего не было сделано? А полиция?

— Никто в полицию не обращался.

— То есть? Вы пять лет сидели и просто ждали?

— Я не ждал. Я действительно сидел, — произнес Ифантьев, искоса взглянув на Тину, словно ожидал реакции на свои слова.

— Понятно, — ничуть не удивившись, ответила она. — А жена как же?

— Да вот в том и дело — жена... Я вернулся три месяца назад, а Мироськи нет. Ну, в смысле — Мирославы, дочери моей. Жена на порог не пускает — мол, иди отсюда, тебя уже и из квартиры

выписали, нет тут твоего ничего. Я говорю — с дочерью дай поговорить, а она — нет ее. Как, говорю, нет? А вот так. Не живет она тут больше. — Ифантьев перевел дыхание, и Тина, дотянувшись до стоявшей на тумбочке бутылки с минеральной водой, налила в стакан и протянула ему. — Спасибо, — залпом выпив воду, проговорил он и продолжил: — Ну, я по подругам Мироськиным пошел, потом в школу — а все в голос твердят, мол, пять лет Мирославу никто не видел, в школу эту она больше не ходила, а мать, мол, сказала, что в другой город ее отправила, к родственникам. Что за бред-то? Из Москвы — куда? Да и родственников у нас никаких в других городах нет, мать жены здесь живет, на соседней улице. Я тогда снова к жене — признавайся, говорю, куда дочь спланила. Та в крик, полицию, говорит, вызову, на пятнадцать суток поедешь как миленький... Сперва вообще открывать не хотела, через дверь разговаривали, она все этой полицией грозилась, но потом, правда, впустила. Я в квартиру вошел и ахнул — там как Мамай прошел, пусто совсем, из мебели — кровать старая и какой-то шкаф, холодильник древний, телевизора нет, ничего вообще ни из техники, ни из старых каких-то запасов. Спрашиваю — тебя что, ограбили? Никто, говорит, меня не грабил. Сама я от мирского искушения избавилась, потому что в аскезе жить нужно, тогда душа в рай попадет. — Ифантьев вынул из кармана платок и вытер вспотевший лоб. — Вы понимаете, Валентина, жена моя никогда до этого дня не была не то что набожной — просто верующей. А тут...

Как по голове ей кто дал... Нет, я согласен — у человека должен быть бог, но не до сумасшествия же...

Он снова умолк, глядя на пустой стакан, и Тина догадалась подлить туда воды.

— Спасибо. — Ифантьев сделал большой глоток. — Я не понимаю, что произошло, моя жена раньше была нормальная, вменяемая, мы с ней никогда не ссорились... В общем, выгнала она меня, даже переночевать не дала. Что делать? Решил к теще пойти, она меня хоть и недолюбливала, но особо мы с ней не враждовали, как, знаете, в анекдотах про тещу и зятя... Нет, у нас даже близко не было такого. Я, когда шел к ней, надеялся, что она мне расскажет, куда Лариска Мироську спровадила. А увидел, что разговора не получится. Ее как подменили тоже — одета бедно, квартира почти пустая, совсем как у Лариски моей, сама все про божественное предназначение бормотала, про то, что грешники будут в аду гореть, а спасение только в уходе от мира. Я напрямую тогда спросил — где моя дочь? А она на меня странно так посмотрела и говорит — а за твои грехи расплачивается.

— Извините, Сергей, но я должна спросить... вы по какой статье сидели? — вклинилась Тина, сделав пометку в лежавшем перед ней блокноте.

— По двести шестьдесят четвертой... Человека пьяным сбил, — опустив голову, признался Ифантьев. — Себя не оправдываю, виноват. Но за то, что сделал, отсидел, и дочь моя ни при чем тут.

— Да, конечно. Но почему ваша теща считает иначе, вы не подумали?

— А о чем тут думать? Мироське было одиннадцать, когда меня осудили. Она на суде так плакала — у меня сердце разрывалось, я вообще не хотел, чтобы Лариса приходила и уж тем более чтобы дочь с собой привела. В первый год она еще мне писала, а потом — все, как отрезало. Жена на свидания не приезжала тоже. Ну ладно, я могу понять — кому осужденный нужен... но дочь... И ведь писать она мне перестала как-то резко, хотя последнее письмо было совершенно обычное, как всегда: рассказывала, что в школе, как в кружке — она в театральном занималась. Никаких разговоров о переезде, ничего такого...

— А жена вам совсем не писала?

— Нет. Я для нее, видимо, исчез сразу после суда.

— Скажите, Сергей, а ваша жена — она точно не верующая?

— До того как меня посадили, не была, я знаю. Вот теща... та все на какие-то собрания ходила, начала задолго до того, как меня посадили. Но дома ни о чем таком не говорила, не рассказывала. Просто ходила куда-то несколько раз в неделю, и все. Теперь думаю, что это как-то связано... Но Лариса — нет, никогда. А вот когда я вернулся... Она была очень странно одета, в платке, хотя мы дома встречались, в квартире. Одежда какая-то чужая, что ли... старое все, как будто много лет носилось постоянно. Косметикой она перестала пользоваться, я заметил... А раньше всегда за собой следила, с самого утра прихорашивалась, прическа там, ресницы, губы... — Ифантьев вздохнул и полез

во внутренний карман куртки, вынул потрепанный бумажник, а из него — не менее потрепанную фотографию и протянул ее Тине.

Та взяла — со снимка на нее смотрел Сергей, только совсем молодой, с густой шевелюрой, одетый в светлую рубашку. На руках он держал девочку лет пяти, очень похожую на него, с кудрявыми волосами, собранными в хвост на макушке. Девочка смеется, одной рукой обнимая за шею отца, а другую протягивая стоящей рядом с ним молодой женщине с аккуратной стрижкой-каре. Женщина худенькая, стройная, о таких говорят — «статуетка». Она прижимается к мужу и тоже протягивает руку дочке. Милая семейная фотография...

— Здесь Мироське шесть, это мы в ее день рождения снимались. И Лариса тогда совсем другая была, вы сейчас ее ни за что бы не узнали, — с какой-то горечью произнес Ифантьев. — Нет, я понимаю — виноват, что так вышло, восемь лет не был рядом, им, наверное, тяжело было без меня... Но не прятать же дочь!

— Сергей, — возвращая ему фотографию, спросила Тина, — а почему вы решили, что жена прячет Мирославу? Ведь ей сейчас сколько — девятнадцать? Она могла в другой город поступить учиться, школу-то закончила...

Ифантьев посмотрел на нее с удивлением:

— Вы прослушали? Я же сказал — она не училась в школе последние годы.

— Это в своей школе она не училась. Не значит же...

— Ну, пусть так. А знаете, что мне одна из ее подруг сказала? Что Мироська перед тем, как исчезнуть, говорила, что собирается с бабушкой в какое-то святое место ехать.

— А вот это уже кое-что, — оживилась Тина. — Подробности есть?

— Да какие... — махнул рукой Ифантьев. — Только вот после этой поездки Мироську никто и не видел больше, а Лариса заявила директору школы, что дочь к родне уехала, и документы ее из школы забрала.

— Мне нужно имя и адрес подруги вашей дочери, а также номер школы и имя директора. Ну и адрес вашей жены и тещи.

— Они вас на порог не пустят.

— Я разберусь с этим, просто напишите адреса, пожалуйста.

Сергей взял протянутую Тиной ручку, придвинул листок бумаги и быстро написал все, что она просила.

Обговорив формальности, Тина вернулась к интересовавшему ее вопросу:

— Скажите, Сергей, а почему вы решили обратиться к нам? Мы не ищем пропавших, мы работаем с теми, кто попал в секты и стал жертвами разного рода культов. Возможно, что ваша дочь никак с этим не связана.

— Я чувствую, что прав, — горячо сказал Ифантьев, прижав к груди руку. — Понимаете, вот тут, внутри, — чувствую. Ну неспроста это все — и теща с ее странными словами, и жена как зачумленная... Это они Мироську куда-то сплавляли.